

Взаимодействие государства и общества: исторические аспекты

УДК 001.32(091)

DOI: 10.28995/2073-6339-2018-2-39-52

Институт красной профессуры как «государственный» проект: 1921–1938 гг.

Евгения А. Долгова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, dolgova-evg@rambler.ru*

Аннотация. Статья посвящена исследованию границ и потенциальных возможностей государственного регулирования такого специфического социального института, как наука. На примере истории Института красной профессуры – учебного заведения, созданного после революции 1917 г. для подготовки обновленного состава преподавательских и научных кадров по общественно-экономическим дисциплинам в высших учебных заведениях, изучается пример практической реализации одного из государственных проектов в 1920–1930-е гг. Исследуя широкий комплекс неопубликованной делопроизводственной документации, автор обращается к анализу кадрового состава Института красной профессуры, уточняет состав и специфику слушателей, характеризует финансовое и инфраструктурное сопровождение его работы. В основу исследования положены методы социальной статистики – проведенный однолинейный статический анализ профессорско-преподавательского состава Института красной профессуры в 1937 г., реализованный с помощью пакета «Statistical Package for the Social Sciences»; динамический анализ академического движения слушателей Института красной профессуры истории за 1931–1937 гг. Автор приходит к выводу о том, что регулятивные функции государства вошли в противоречие с бытовыми реалиями 1920–1930-х гг. В связи с этим Институт красной профессуры так и не стал успешно реализованным государственным проектом.

Ключевые слова: история науки, Институт красной профессуры, государственное регулирование, кадровый состав, слушатели, финансирование, инфраструктура

Для цитирования: Долгова Е.А. Институт красной профессуры как «государственный» проект: 1921–1938 гг. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». 2018. № 2(12). С. 39–52. DOI: 10.28995/2073-6339-2018-2-39-52

Institute of Red Professors as a “state” project (1921–1938)

Evgeniya A. Dolgova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
dolgova-evg@rambler.ru*

Abstract. The article describes the scope and potentialities of state regulation of such a specific social institution as a science. Through materials of the history of the Institute of the Red Professors (an educational institution founded after the Revolution of 1917 to prepare teaching and scientific personnel in social and economic disciplines for higher educational institutions) an example of the practical realization of one of the state projects in the 1920–1930s is explored. Investigating a wide range of unpublished documents, the author turns to the analysis of the staff of the Institute of Red Professors, clarifies the composition and specifics of the students and characterizes the financial and infrastructural support of its work. The research is based on the methods of social statistics, such as a unilinear statistic analysis of the teaching personnel of the Institute of Red Professors in 1937, using the «Statistical Package for the Social Sciences»; dynamic analysis of the academic movement of students of the Institute of the Red Professors in History for 1931–1937. The author comes to a conclusion that the state’s regulatory functions came into conflict with the everyday realities of the 1920s–1930s. So, the Institute of Red Professors did not become a successfully implemented state project.

Keywords: history of science, Institute of Red Professors, state regulation, personnel, students, financing, infrastructure

For citation: Dolgova EA. Institute of Red Professors as a “state” project (1921–1938). *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations. Area Studies. Oriental Studies” Series*, 2018;2:39-52. DOI: 10.28995/2073-6339-2018-2-39-52

Введение

Вопрос о роли государства в динамике общественных трансформаций соотносится с проблемой определения характера, значения и границ регулирования отдельных социальных институтов в указанный период. При этом одним из дискуссионных является вопрос о границах и потенциальных возможностях государственного регулирования такого специфического социального института, как наука. В какой степени государство могло влиять на направление научных исследований, специфику произведенной научной продукции и, наконец, характеристики научных кадров? Попробуем ответить на данный вопрос, обратившись к истории Института красной профессуры (далее ИКП, Институт) – учебного заведения, созданного после революции 1917 г. для подготовки обновленного состава преподавательских и научных кадров по общественно-экономическим дисциплинам в высших учебных заведениях, институтах и курсах марксизма-ленинизма, школах пропагандистов и научно-исследовательских институтах.

Институт красной профессуры, созданный по инициативе власти в 1921 г., с первых дней своего существования позиционировался как флагманский проект, «кузница кадров» советской высшей школы. Поставленная большевиками задача создания «нового общества» требовала подготовки нового поколения преподавателей, которые проводили бы линию партии в науке и образовании. «Буржуазные» профессора с дореволюционным стажем не годились для такой миссии – поэтому власть пыталась в кратчайший срок выковать новые ангажированные кадры, «красных профессоров» [1]. Вследствие важности этой задачи вновь образованный институт оказался в исключительном положении среди других научно-образовательных учреждений. Среди прочего, это нашло отражение в финансировании и инфраструктурном обеспечении ИКП, предоставлении определенных льгот и привилегий социально-экономического характера не только работникам, но и слушателям; мобилизации слушателей на обучение в институте и вследствие этого – созданной системы постоянной генерации выпускников, государственной заинтересованности в их последующем трудоустройстве и перемещении в системе административных назначений 1930-х гг. Динамика отношений ИКП с государством развивалась от периода исключительного внимания к нему в 1920-е гг. до закрытия 1 января 1938 г. За эти годы институт стал учреждением союзного значения, вошел в узкий перечень учреждений ведения ЦИК СССР и разделился

на несколько отраслевых, специализированных учреждений. Его развитие в постреволюционное двадцатилетие, на первый взгляд, поступательно и экстенсивно: оно иллюстрирует успешность реализации задуманного в период «общественных трансформаций» государственного проекта по обновлению научно-образовательной сферы.

Почему же Институт красной профессуры был закрыт 1 января 1938 г.? В историографии традиционно отмечается, что к этому времени он выполнил стоявшие перед ним задачи и одновременно исчерпал себя как учреждение переходного типа по подготовке партийных научных кадров, более того, его функции уже дублировались другими вузами [2 с. 7]. Прагматически же этот вопрос был переосмыслен Л.А. Козловой, справедливо отметившей, что для ликвидации образовательного учреждения посреди учебного года, «задним числом» (приказ был подписан 8 января) и «с изрядной спешкой» – незакрытыми хозяйственными счетами, с выплатой стипендии на день отчисления, выходного месячного пособия слушателям и расчетом с преподавателями из средств кредитов, отпущенных на 1938 г. – должны были быть веские основания, кроме выявленного дублирования функций [3, 4]. Это наблюдение подтверждает комплексный анализ делопроизводства последних лет работы Института красной профессуры, свидетельствующей о том, что на деле его функционирование не вполне оправдало государственные ожидания. Несмотря на то что в процессе ликвидации института по описи был уничтожен значительный комплекс документации, сохранившиеся в Государственном архиве Российской Федерации (далее ГАРФ), Архиве Российской академии наук (Архив РАН) и Центральном государственном архиве историко-политических документов в Санкт-Петербурге (ЦГАИПД) источники многочисленны и репрезентативны: они позволяют судить о тенденциях работы ИКП и о тех ограничивающих обстоятельствах, с которыми на практике столкнулась реализация одного из «приоритетных» государственных проектов в 1920–1930-е гг.

Как «буржуазные профессора» учили «красных профессоров»

Первым ограничивающим идеологическую роль ИКП обстоятельством стал его профессорско-преподавательский состав. По отзывам первого ректора М.Н. Покровского, он с момента

открытия был одним из «слабых» мест в работе института. Сначала руководство старалось приглашать крупных партийных работников, однако столкнулось с тем, что «большая часть откровенно и честно отказалась, очень немногие, хоть и приходили, посещали обыкновенно организационные заседания, производили там более или менее красноречивое вступительное слово <...> и об этих товарищах никто больше никогда не слышал, они исчезали. Кажется, один из таких работников случайно провел четыре занятия. Об этом долго говорили» [5 с. 62]. По этой причине руководству пришлось обратиться к преподавателям, чья политическая позиция далеко не всегда ассоциировалась с преданностью партии ВКП(б) – беспартийным и даже представителям альтернативных большевизму течений. Однако эта тенденция характеризовала не только ранний период развития ИКП: мы отмечаем ее и на конец работы институции.

Проведенный с помощью пакета SPSS однолинейный анализ 240 анкет, выявленных в комплексе синхронной делопроизводственной документации восьми Институтов красной профессуры – Аграрного ИКП, ИКП истории, ИКП литературы, ИКП советского строительства и права, ИКП мирового хозяйства и мировой политики, ИКП философии, ИКП экономики, Ленинградского объединенного ИКП [6] – позволил охарактеризовать преподавательское сообщество в поздний период его работы, когда, казалось бы, совершилась «советизация» и поколение «красных профессоров» победило. Результаты статистического анализа показали, что на май 1937 г. в партии ВКП(б) состояло всего 45,1% преподавательского состава ИКП, несколько преподавателей были членами иностранных компартий, остальные 51,5% преподавателей были беспартийными. Говоря о партийном стаже, стоит отметить, что у большинства преподавателей он не превышал 20 лет. Зато в числе преподавателей были те, кто до 1917 г. состояли в Бунд, в Еврейской демократической рабочей партии «Поалей Цион», в РСДРП меньшевиков (профессор ИКП литературы В.Я. Кирпотин), партии левых эсеров (преподаватель Ленинградского объединенного ИКП К.К. Величко) и даже кадетской партии (профессор ИКП литературы А.К. Джигелегов). Похожую картину дает и анализ таких индикаторов, как происхождение и образование преподавателей ИКП. Те, кто учил «красных профессоров», происходили из дворян, из духовного звания, из служащих, очень редко – из рабочих и крестьян. В 1937 г. в ИКП работал «Мика» Морозов, известный по его детскому портрету кисти В. Серова, дочь морского офицера, имевшего личное дворянство, Л.П. Винокурова, сын генерального

консула в Китае В.С. Колоколов и др. Таким образом, в делопроизводственной документации ИКП предстает не идеологическим центром, а всего лишь одним из возможных мест работы интеллигенции, в том числе и «старой профессуры» в 1920–1930-е гг.

Почему «красных профессоров» обучали столь неблагонадежные в политическом отношении кадры? Причина была прагматична: именно они были наиболее конкурентоспособны на образовательном рынке, особенно по сравнению с молодыми выпускниками комвузов. Так, французскому, немецкому, испанскому языку «красных профессоров» обучали бывшая владелица самой известной до революции частной гимназии в Москве В.В. Потоцкая и многочисленные «курсистки» (многие из них были дворянками по происхождению); палеографии и церковнославянскому языку – сын священника, выпускник Духовного училища А.Н. Сперанский и т. д. В нагрузку же выпускникам комвузов предлагались специальные предметы из цикла общественно-политических дисциплин. Была ли возможность у слушателей получить нужный, желанный власти импульс верности партии и коммунистической идеи от преподавателей ИКП, происходивших из «бывших»? На наш взгляд, скорее при желании они могли получить качественное и разностороннее образование, во многом преемственное дореволюционной системе. Косвенным образом, этому способствовали и постоянные перестройки образовательного процесса в ИКП, которые по факту оборачивались ломкой едва сложившихся учебных программ и планов. Так, в сохранившейся в документах Ленинградского объединенного ИКП жалобе слушателя Бойцова (1935 г.) отмечалось: «У нас нет ни тематики, ни программы, ни списка литературы. Нам сказали, что вы, товарищи, читайте пока Покровского и Ключевского» [7 л. 16].

Слушатели Института красной профессуры: коэффициент полезного действия?

Второе ограничение функционирования Института красной профессуры связано с его слушателями – мобилизованными на обучение будущими «красными профессорами». Конечно, в отличие от профессорско-преподавательского состава в отношении их рекрутирования действовали регулирующие принципы: для поступления в ИКП требовался партстаж, характеристики от местных парторганизаций, во внимание принималось социальное происхождение, биография соискателя, с 1932 г. был взят целена-

правленный курс на «орабочивание» студенческого состава – на основании решения ЦК ВКП(б) от 15 октября 1932 г. условия приема предусматривали партийный стаж для рабочих 5 лет, для остальных – 10 лет; также была поставлена и процентная планка – не менее 70% приема рабочих [8 л. 1]. Однако учитывалась ли при этом подготовка поступающих? Несмотря на наличие вступительных испытаний и требований к теоретической (не ниже комвуза) и общеобразовательной базе (не ниже рабфака) слушателей, нам представляется, что не вполне. Так, в письме председателя Комитета по заведыванию учеными и учебными учреждениями об улучшении работы ИКП (1936 г.) отмечалось: «Существующий до сих пор вербовочный метод не обеспечивает необходимую квалификацию принимаемых в ИКП слушателей. Более того, обкомы, как правило, стараются не отпускать способных и талантливых людей, а откомандировывают тех, кто им не нужен» [9 л. 1]. Квалификация вновь поступивших порой была настолько низкой, что некоторые директора ИКП в 1936 г. ставили вопрос об отмене требования партстажа и настаивали на своем праве отчислять неуспевающих «икапистов» из институтов, – все это время подобного рода отчисления были чрезвычайно затруднены и происходили каждый раз с особого разрешения Оргбюро ЦК ВКП(б) [9 л. 2].

Для анализа квалификационных характеристик слушателей обратимся к анализу их академического движения, проследив статистику отчислений, переводов, успешного окончания ИКП. Динамический анализ за несколько последних лет нам дает документация ИКП истории – одного из отраслевых институтов, выделившегося в 1931 г. С 1931 по 1937 г. в Институт были приняты 408 человек. Данные по их социальному составу и академической подготовленности агрегированы в табл. 1 и 2.

В табл. 1 показана академическая подготовленность слушателей, принятых в ИКП по годам.

Приведенные данные показывают, что в первые четыре года существования ИКП истории основная масса принятых состояла из лиц, имеющих либо среднее образование, либо образование в объеме комвуза. Лиц, имеющих среднее образование, было принято 38,4%. Лишь в последние три года число лиц, имеющих образование в объеме вуза, было 27,1% из общего состава принятых.

Таблица 1

Академическая подготовленность слушателей,
принятых в ИКП истории: 1931–1937 гг.

<i>Учебный год</i>	<i>Всего</i>	<i>Высшее (вуз)</i>	<i>Среднее (общее)</i>	<i>Комвуз</i>
1931	86	–	22	64
1931–1932	128	–	67	61
1932–1933	22	–	4	18
1933–1934	6	–	1	5
1934–1935	34	8	4	22
1935–1936	70	15	–	55
1936–1937	62	22	–	40
ИТОГО	408	45	98	265

Источник: Расчеты автора на основе: ГАРФ. Ф. Р-5143. Оп. 4. Д. 2. Л. 4.

Состав принятых слушателей по отдельным годам по социальному положению показан в табл. 2.

Таблица 2

Социальное происхождение слушателей,
принятых в ИКП истории: 1931–1937 гг.

<i>Учебный год</i>	<i>Всего</i>	<i>Рабочих</i>	<i>Крестьян</i>	<i>Служащих</i>	<i>Прочих</i>
1931	86	27	6	53	
1931–1932	128	77	5	46	
1932–1933	22	11	2	9	
1933–1934	6	2		4	
1934–1935	34	11	15	6	2
1935–1936	68	24	15	29	
1936–1937	64	22	9	33	
ИТОГО	408	174	52	180	2

Источник: Расчеты автора на основе: ГАРФ. Ф. Р-5143. Оп. 4. Д. 2. Л. 4–5.

Согласно табл. 2, наибольшее число принятых составляли служащие – 44,1%, а наименьшее крестьяне – 12,7%. Рабочих из общего состава всех принятых было 42,4%. В 1931–1932 гг. процент рабочих увеличился до 60,1%. В 1937 г. процент рабочих снизился до 34,4%. Таким образом, основная установка ЦК ВКП(б) в привлечении в ИКП рабочих не менее 70% всего приема выполнена не была. Общий же удельный вес «благонадежных» в социальном отношении кадров слушателей составлял 55,4%

Табл. 3 иллюстрирует академическое движение слушателей, а именно – какое количество слушателей успешно окончили ИКП истории, а какое – были отчислены или переведены. Всего за период 1931 по 1937 г. окончили институт всего 112 человек. По отдельным годам выпуск распределялся следующим образом.

Таблица 3

Распределение закончивших ИКП истории слушателей
по годам: 1931–1937

<i>Учебный год</i>	<i>Окончило (чел.)</i>
1931	28
1931–1932	31
1932–1933	17
1933–1934	11
1934–1935	9
1935–1936	3
1936–1937	13
ИТОГО	112

Источник: Расчеты автора на основе: ГАРФ. Ф. Р-5143. Оп. 4. Д. 2. Л. 6.

Таким образом, в табл. 3 показано крайне малое число слушателей, окончивших институт. Оно составляло 35% к числу принятых, т. е. всего $\frac{1}{3}$ часть всех поступивших оканчивали ИКП. Остальные $\frac{2}{3}$ выбывали из института по разным причинам. Так, за время с 1931 по 1937 г. досрочно выбыли 259 человек, из них за неуспеваемость было исключено 42 (16,2%), столько же было отчислено по другим причинам (из них 16 – по политическим причинам), 52 человека

перевелись в другие ИКП (20%). Большая же часть слушателей – 123 человека (47,5%) – выбыли по досрочной мобилизации ЦК на практическую работу [8 л. 6]. Нельзя не отметить низкий коэффициент полезного действия Института красной профессуры: по факту в количественном отношении он функционировал практически «вхолостую».

Обратимся к еще одному аспекту проблемы – нам показалось интересным установить, как распределялись на работу слушатели, успешно окончившие курс ИКП. К сожалению, статистики за 1931–1937 гг. в нашем распоряжении не оказалось. Однако анализ списков распределения выпускников ИКП истории за 1932 г. показывает, что в основном они направлялись «на практическую работу». Об этом же свидетельствуют и другие документы. В цитируемой выше в письме председателя Комитета по заведованию учеными и учебными учреждениями об улучшении работы ИКП (1936 г.) отмечалось, что «значительный процент оканчивающих ИКП идет не по прямому назначению, а используется на всяких административного характера должностях» [9 л. 1]. Кадры «красных профессоров» ценились в административных перемещениях 1930-х гг. По воспоминаниям Э.Б. Генкиной, мало кто из них оставался на научной работе: «Очень многие из окончивших ИКП в 20-е годы мечтали не о научной, а о практической работе – хозяйственной или партийной. Экономистов буквально «расхватывали» наркоматы, ВСНХ, Госплан, а аграрников – Наркомзем» [10 с. 270]. Опасение высказывал и М.Н. Покровский: «Когда молодого человека, недоделанного ученого, втянут в организационную обстановку, да еще обставят всяким аппаратом: кабинет, секретарь, автомобиль и т. д., то он часто перестает быть ученым (а он, возможно, мог быть хорошим ученым) и превращается в плохого советского работника» [10 с. 270]. Таким образом, и в этом отношении Институт красной профессуры не вполне выполнял поставленную перед ним цель – в основном выпускники не оставались на научной и педагогической работе.

Исключением было привлечение выпускников к преподавательской работе в самом ИКП: на 1937 г. они составляли 32,5% преподавательского корпуса. При этом их статусные позиции были однозначно высокими – практиковалось назначение выпускников ИКП на руководящие административные посты, из 92 профессоров, работавших в ИКП в 1937 г., 47 были его выпускниками и получили звание «красного» профессора автоматически. Однако восстановление в 1934 г. практики присуждения научных степеней (кандидата и доктора наук) и присвоения ученых званий (действи-

тельный член, старший и младший научный работник в научно-исследовательских организациях; профессор, доцент, ассистент в вузах) фактически обесценило их статус: лишь некоторым из «красных профессоров» удалось добиться присуждения квалификационного звания профессора в 1935 г. «без защиты диссертации». Остальные фактически оказались лишены права преподавания в высшей школе [9 л. 1 об].

Институт красной профессуры: финансовое и инфраструктурное сопровождение

Кроме того, что Институт красной профессуры показывал противоречивые результаты его работы, он однозначно был «дорогим» проектом. Так, его положение в списке учреждений, состоящих в ведении ЦИК, предполагало особое финансирование – в том числе затраты на инфраструктуру (содержание и строительство зданий учебного и жилого назначения, книжное снабжение и оборудование лабораторий и библиотек), зарплаты слушателям и их преподавателям и др. выплаты. В документе 1936 г. отмечалось, что «десять тысяч в год стоит один слушатель ИКП» [9 л. 8]. Можно понять недовольство ревизионной инспекции, учитывая, какая доля из этих слушателей доходила до успешного выпуска.

Ситуацию усугубляли вскрывшиеся нарушения. Лучше всего их иллюстрируют перипетии с так называемым жилищным вопросом, остро стоявшим перед слушателями Института на всем протяжении его функционирования. Мобилизованным на обучение, иногородним слушателям ИКП порой негде было жить: им не хватало койко-мест в разрозненных, приспособленных под общежития зданиях. Постройка комплекса из восьми зданий коммунального типа на Большой Пироговской улице в 1929–1930 гг. проблемы не решила, поскольку общежитие в один момент оказалось занято посторонними лицами, в том числе бывшими выпускниками ИКП. В 1935 г. ситуация оказалась настолько острой, что под угрозу был поставлен учебный набор 1936 г. Результатом стала волна выселений лиц, «утративших связь с ИКП», при помощи милиции и суда. Это административное усилие освободить общежитие от незаконно проживающих вызвало большой резонанс – вплоть до публикаций в газете «Правда» и писем на имя Сталина. Итогом стала серьезная хозяйственная проверка 1937 г., выявившая факт нецелевого использования зданий, построенных «специально для общежития слушателей ИКП», а также «производство ремонтов и продажу

материалов и инвентаря на сторону». Дополнительно также была обнаружена несдача в кассу некоторых сборов с жильцов (в частности, комендантом присваивалась собираемая с жителей квартплата за проживание в двух общежитских бараках на Бережковской, 46 и Малой Пироговской, 20, о которых регулярно рапортовалось: «Дома ветхие. Квартплата с жильцов [не] взимается»). Этот опыт продемонстрировал столкновение с реальностью государства, вложившего немалые средства в инфраструктуру пестуемой образовательной институции и по факту не добившегося этой финансовой инвестицией ничего, – в один момент в условиях остро стоявшего для москвичей жилищного вопроса выстроенное для коммунистической элиты общежитие заполнилось кем угодно, только не теми, для кого оно строилось [11], а финансовые вложения, обеспечивающие расширение Института и рост его контингента в количественном отношении, не могли повлиять на его качество.

Заключение

Итак, говоря о регулятивных возможностях государства, мы должны констатировать, что они вошли в противоречие с бытовой реальностью 1920-х гг. Преподавательский состав ИКП в большинстве своем сложился все-таки до 1917 г. и едва ли мог дать слушателям желанный власти импульс верности коммунистической идее. Академическое движение слушателей, которые были относительно однородны в политическом и в меньшей степени социальном отношении, демонстрировало резкую «вилку» между поступлением и выпуском. В силу частых мобилизаций, переводов, академической неуспеваемости до выпуска доходила $\frac{1}{3}$ зачисленных, но и те по итогам распределения рассеивались в частых административных перемещениях 1930-х гг., а с 1934 г. – часть из них и вовсе оказались лишены права на преподавание в высшей школе. Одновременно ИКП требовал постоянных финансовых и инфраструктурных вложений, при этом эти вложения часто не оправдывали себя. Таким образом, Институт красной профессуры начинался с революционной идеи, какое-то время существовал как витринный проект, однако его содержание обходилось государству слишком дорого и в конечном счете оказалось нецелесообразно.

Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ, а2 № 16-31-01079.

This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project no. a2 № 16-31-01079.

Литература

1. Шевелева П.А. Образ «красного профессора» (по материалам журнала «Историк-марксист») // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 21 (99). История. Вып. 22. С. 147–163.
2. Соловей В.Д. Институт красной профессуры: подготовка кадров историков партии в 20–30-е годы // Вопросы истории КПСС. 1990. № 2. С. 87–98.
3. Козлова Л.А. Институт красной профессуры (1921–1938): историографический очерк // Социологический журнал. 1999. № 1. С. 96–112.
4. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7668. Оп. 1. Д. 1946: Проект постановления Президиума ЦИК СССР о ликвидации Институты красной профессуры. 1938 г.
5. Покровский М.Н. Речь на десятилетии Института красной профессуры // Памяти Михаила Николаевича Покровского. М.: Партиздат, 1932. С. 53–77.
6. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7668. Оп. 1. Д. 2401: Списки руководящего, научного и профессорско-преподавательского состава Институты красной профессуры по состоянию на май 1937 г.
7. Центральный государственный архив историко-политических документов. г. Санкт-Петербург. Ф. 566. Оп. 1. Д. 2709: Заседание исторического отделения по подготовке к московскому совещанию по вопросам преподавания в ИКП, 21 октября 1935 г.
8. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5143. Оп. 4. Д. 2: Докладная записка директора ИКП истории о работе института с 1931 по 1937 г. с приложением списка преподавателей.
9. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 1799: Письмо председателя Комитета по заведованию учеными и учебными учреждениями об улучшении работы ИКП и заключении по вопросу слияния ИКП с аспирантурой социально-экономических вузов. Июль–август 1936 г.
10. Генкина Э.Б. Воспоминания об ИКП // История и историки: Историографический ежегодник. 1981. М.: Наука, 1985. С. 258–273.
11. Долгова Е.А. Квартирный вопрос для красной профессуры // Родина. 2017. № 8. С. 122–125.

References

1. Sheveleva P.A. The image of the “red professor” (based on the materials of the magazine “The Historian-Marxist”). *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2008;21:147-63. (Istoriya. Issue 22.) (In Russ.)
2. Solovej V.D. Institute of Red Professors: training of historians of the party in the 20s-30s // *Voprosy istorii KPSS*;1990:2:87-98. (In Russ.)
3. Kozlova L.A. Institute of Red Professors (1921–1938): historiographical essay. *Sotsiologicheskii zhurnal*. 1999;1:96-112. (In Russ.)

4. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. Fond R-7668. Opis' 1. Delo 1946. Fond P-7668. Opis' 1. Delo 1946: Draft Resolution of the Presidium of the CEC of the USSR on the liquidation of the Institutes of the Red Professors. 1938. (In Russ.)
5. Pokrovskij MN. A Speech Honouring the Decade of the Institute of Red Professors. V: *In memory of Mikhail Nikolaevich Pokrovsky*. Moscow: Partizdat Publ.; 1932. C. 53-77. (In Russ.)
6. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. Fond R-7668. Opis' 1. Delo 2401. Fond P-7668. Opis' 1. Delo 2401: Lists of administrative, scientific and academic staff in the Institutes of the Red Professors as of May 1937. (In Russ.)
7. Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv istoriko-politicheskikh dokumentov g. Sankt-Peterburg. Fond 566. Opis' 1. Delo 2709. Fond 566. Opis' 1. Delo 2709: The meeting of the historical department on the preparation for the Moscow meeting on teaching issues in the IRP, October 21, 1935. (In Russ.)
8. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. Fond 5143. Opis' 4. Delo 2. Fond 5143. Opis' 4. Delo 2: Report of the Director of the IRP in History on the work of the Institute from 1931 to 1937 with a list of lecturers. (In Russ.)
9. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. Fond 3316. Opis' 64. Delo 1799. Fond 3316. Opis' 64. Delo 1799: A letter from the Chairman of the Committee on the Administration of Scientists and Educational Institutions on the improvement in the IRP work and the conclusion on the merger of the IRP with the postgraduate course of socio-economic universities. July–August 1936. (In Russ.)
10. Genkina EB. Memories of the institute of Red Professors. V: History and historians. Historiographic Yearbook, 1981. Moscow: Nauka Publ.; 1985. p. 258-73. (In Russ.)
11. Dolgova EA. Housing problem for the red professors. *Rodina*. 2017;8:122-25. (In Russ.)

Информация об авторе

Евгения А. Долгова, кандидат исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, г. Москва, 125993, Миусская пл., д. 6; dolgova-evg@rambler.ru

Information about the author

Evgeniya A. Dolgova, Ph.D. in History, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia; Finance University, Moscow, Russia; dolgova-evg@rambler.ru

Государственные проекты индейцев майя во время войны каст на Юкатане: 1847–1901 гг.

Иван Н. Косиченко

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, ivan.kosichenko@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению проектов государственного устройства на территориях, занятых восставшими индейцами майя во время Войны каст 1847–1901 гг. Эта война стала крупнейшим этносоциальным конфликтом в Латинской Америке XIX в. и оказала большое влияние на развитие мексиканской государственности и межэтнических отношений. Особое внимание в статье уделяется уникальному синкретическому культу – культу говорящих крестов, который стал основой военно-теократической системы государственных образований повстанцев. Основанный на смеси элементов традиционных верований, христианских обрядов, а также политических и социальных практик индейцев майя доколумбового и колониального периода, этот феномен государственного строительства представляет интерес в качестве примера взаимного проникновения и восприятия религиозных, культурных и политических практик белого и коренного населения в постколониальной Мексике.

Ключевые слова: Мексика, война каст, религиозный синкретизм, политическая антропология, военная история, майя

Для цитирования: Косиченко И.Н. Государственные проекты индейцев майя во время войны каст на Юкатане: 1847–1901 гг. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». 2018. № 2 (12). С. 53–63. DOI: 10.28995/2073-6339-2018-2-53-62